

Говард Филлипс Лавкрафт

Целефес

(Celephais)

Во сне Кьюренз увидел город в долине и морской берег вдали, белоснежную горную вершину, возвышающуюся над морем, и яркие разноцветные парусники, отплывающие из гавани в дальние края, где море встречается с небом. И во сне он узнал своё имя — Кьюренз. Впрочем, мало кто мог бы вспомнить, как его звали прежде, потому что он был последним в своем обедневшем роду и совершенно одиноким среди миллионов безразличных ко всему, кроме самих себя, обитателей Лондона.

Однако Кьюренз не тяготился житейскими обстоятельствами, поскольку он, подобно мечтателям давнего прошлого, искал исключительно красоту. Которую нашёл среди неясных воспоминаний, детских сказок и снов.

Немного найдётся людей, которые знают, какие чудеса им открываются в рассказах и видениях юности. И лишь изредка, став уже взрослыми, мы пробуждаемся ночью со странными видениями зачарованных садов, золотых утёсов, возвышающихся над шепчущими морями, фонтанов, поющих под солнцем, равнин со спящими городами из бронзы и камня, призрачных кавалькад героев, едущих по опушкам густых лесов верхом на лошадях, покрытых разукрашенными попонами; и тогда мы знаем, что заглянули в прошлое сквозь ворота из слоновой кости, в тот мир чудес, который был и нашим миром, прежде чем мы стали мудрыми и несчастливými.

Кьюренз попал в забытый мир своего детства совершенно случайно. Ему снился увитый плющом фамильный замок, где жили тринадцать поколений его предков и где надеялся умереть и он. Светила луна; он выбрался из дома в напоённую ароматами летнюю ночь и пошёл сначала через сады, спускающиеся вниз террасами, затем мимо старых дубов в парке и, наконец, по длинной белой дороге, ведущей к деревне. Деревня казалась совсем заброшенной, какой-то ущербной с одного бока, как луна, которая пошла на убыль. Улицы заросли высокой, по пояс, травой, окна по обеим сторонам дороги были где выбиты, а где мутно глазели, и Кьюренз на секунду задумался, что же таилось за остроконечными крышами маленьких домиков — сон или смерть?

Но он не стал задерживаться там, а поспешил дальше по узкой тропинке, уводящей из деревни к отвесным прибрежным скалам, к обрыву и бездне, где всё внезапно проваливалось в немую пустоту бесконечности, где даже небо было пустым, беззвёздным и безлунным.

Не раздумывая, он устремился в темноту пропасти, мимо бесформенных неснившихся снов, тускло освещённых пространств полузабытых кошмаров и хохочущих крылатых существ, которые, казалось, передразнивают мечтателей всех

миров. Потом во мраке перед ним возник свет, и он увидел город в долине, ослепительно сверкающий далеко-далеко внизу на фоне моря и неба, и заснеженную вершину горы, царственно возвышающуюся вблизи берега.

В тот самый момент Кьюренз проснулся, однако он с первого взгляда узнал Целефес в долине Ут-Наргай, где однажды его душа прожила, казалось, целую вечность. Это случилось в тот летний полдень, когда он ускользнул от гувернантки и, убаюканный лёгким морским бризом, уснул, засмотревшись на облака с утёса около деревни. Он пробовал протестовать, когда его нашли, разбудили и повели домой — ведь во сне он готов был отплыть на золотом паруснике к далёкому горизонту, где море встречается с небом. И сейчас он проснулся с тем же чувством досады, потому что после сорока лет утомительных поисков он наконец-то нашёл свой сказочный город.

Однако спустя три ночи Кьюренз опять попал в Целефес. Как и раньше, сначала ему приснилась деревня, спящая или мёртвая, затем бездна, в пучинах которой надо безмолвно плыть вниз, потом опять показался свет, и он увидел сверкающие минареты города, изящные парусники, стоящие на якоре, и заросли имбирных деревьев у подножия горы Аран. Он, как птица, плавно снизился над поросшим травой горным склоном, и вскоре его ноги мягко коснулись почвы.

Кьюренз пошёл вниз по холму среди ярких цветов и пахучих трав, через бурлящую Нараксу по маленькому деревянному мостику, где так много лет назад он вырезал своё имя, к большим бронзовым воротам города. Всё было, как в прежние времена: мраморные стены и полированные бронзовые статуи около них не потеряли своего цвета и не потускнели и даже стражи на крепостном валу были такими же молодыми, какими он их помнил.

Он зашагал по выложенной ониксом мостовой; купцы и погонщики верблюдов приветствовали его, будто он никуда не отлучался. Затем он вышел к морю и долго и пристально глядел поверх сияющей гавани туда, где морская рябь искрилась в лучах незнакомого солнца и легко скользили парусники.

Больше, чем когда-либо, Кьюренза теперь тянуло в далёкие края, о которых он слышал так много удивительных рассказов; и он вновь искал капитана по имени Атиб, который когда-то давным-давно согласился взять его на корабль. Он нашёл его сидящим всё на том же сундуке с пряностями, они вдвоём переправились на парусник и, дав команду гребцам, отправились в путь.

Через несколько дней они подошли к горизонту, где море встречается с небом, и парусник легко поплыл среди кудрявых розоватых облаков. И далеко внизу, под килем, Кьюренз видел странные земли, реки, исключительной красоты города, раскинувшиеся под лучами никогда не заходящего солнца. Наконец Атиб сказал, что путешествие близится к концу и скоро они войдут в гавань Серенниана, мраморно-розового города облаков, который воздвигнут на том неземном берегу, откуда в небо поднимается западный ветер; но когда вдали показались очертания самой высокой башни города, что-то случилось во вселенной, и Кьюренз проснулся в своей лондонской мансарде.

В течение многих месяцев после этого Кьюренз тщетно пытался отыскать Целефес, и, хотя сны часто уносили его в удивительные страны, никто там даже не слышал об Ут-Наргае. Однажды ночью он летел над тёмными холмами, где виднелись неясные огни редких пастушьих костров и бродили косматые стада каких-то животных с позвякивающими колокольчиками на шеях; и в самой глухой части этой холмистой страны он обнаружил извивающуюся по гребням гор и впадинам долин древнюю каменную стену, слишком гигантскую, чтобы руки человека могли построить её. Миновав эту стену, он очутился в краю чудесных цветников и вишнёвых садов, и, когда взошло солнце, перед ним открылось такое великолепие красных и белых цветов, зелени листвы и трав, сверкающих алмазами ручьёв, голубых озёр, резных мостиков и красноверхих пагод, что на мгновение, в полнейшем восторге, он позабыл о Целефесе. Однако он вновь вспомнил о нём, когда отправился вниз по белой тропе к красноверхой пагоде и обнаружил, что там не было людей, а жили одни лишь птицы, пчёлы и бабочки. Другой ночью Кьюренз бесконечно долго поднимался в темноте по влажным ступеням спиральной лестницы и добрался, наконец, до окошечка, которое выходило на широкую равнину, освещённую полной луной. Очертания безмолвного города, простирающегося вдоль берега реки, показались ему чем-то знакомыми; он уже собирался спуститься и спросить дорогу в Ут-Наргай, но где-то за горизонтом занялась зловещая аврора и осветила руины и запустение, царившее в городе, заросшую гниющим камышом реку и поля, на которых лежала печать смерти.

После этого Кьюрензу, как никогда, захотелось вернуться в Целефес, усеянный минаретами, как гвоздями с разноцветными шляпками. А затем в один прекрасный день его выставили из его лондонской мансарды, и он бесцельно побрёл туда, где домов становилось всё меньше и меньше. И около моста через унылую речку его встретил блистающий доспехами кортеж рыцарей верхом на чалых лошадях.

Они были присланы в его честь из Целефеса, который он создал в своих снах и в котором ему теперь предстояло навеки стать правителем. Кьюрензу помогли забраться в седло, и они помчались по спускам Суррея в те края, где родился Кьюренз и его предки. И странное дело, Кьюрензу показалось, что они галопом понеслись назад во времени, ибо, проезжая через селения, он наблюдал сцены, которые могли происходить разве что в эпоху Чосера. С наступлением темноты всадники помчались ещё стремительнее, и вскоре они уже неслись с жуткой быстротой, словно по воздуху. Когда забрезжил тусклый рассвет, на их пути встретилась деревня, рядом с которой Кьюренз жил в детстве и которую всегда видел во снах спящей или мёртвой. Сейчас там кипела жизнь, и ранние прохожие низко кланялись и приседали в реверансах, но всадники, не останавливаясь, простучали копытами вдоль по улице и свернули на узкую тропинку, которая оканчивалась пропастью. Раньше Кьюренз попадал туда только ночью, во сне, и ему было интересно увидеть её при дневном свете.

Кавалькада достигла обрыва, и в тот же миг где-то на западе возникло золотое сияние. Бездна оказалась бурлящим хаосом розового и лазурного блеска, и невидимые голоса пели, ликуя, когда рыцарский кортеж поплыл вниз и лошади вздымали копытами эфир, будто неслись по золотистым пескам. А затем сияющий туман рассеялся, чтобы явить ещё больший блеск — сверкающий город Целефес и морской берег вдали, белоснежную горную вершину и яркие разноцветные

парусники, отплывающие из гавани в далёкие края, где море встречается с небом.

И с тех пор Кьюренз царствовал в Ут-Наргае и держал двор попеременно то в Целефесе, а то в мраморно-облачном Серенниане. Он правит там и поныне и будет править вечно и счастливо, хотя внизу, под скалами Иннсмута, приливные потоки, словно насмехаясь, играют телом бродяги, который однажды на рассвете бесцельно брёл, спотыкаясь, по полувывершей деревне.

Перевод: Андрей Кузьменков

2002 год